

ГРАЖДАНЕ КНДР НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ РОССИИ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX в.

Герман Борисович ДУДЧЕНКО, аспирант Института истории ДВО РАН

Внешнеполитическая доктрина СССР после второй мировой войны привела к тому, что Советский Союз участвовал в образовании нового государства на Корейском полуострове — КНДР. Двусторонние отношения характеризовались как особо дружественные. Советский Союз стал оказывать не только военную, но и экономическую помощь Корейской Народно-Демократической Республике. Так, в 1952 г. в связи с тяжелым продовольственным положением в КНДР Советский Союз поставил туда 50 тыс. т муки, а также несколько тысяч сельхозмашин, несколько десятков тысяч тонн минеральных удобрений. В целях экономической помощи в Северную Корею направлялось также большое число автомашин и товаров массового потребления¹.

В 1957 г. было заключено первое соглашение по трудоустройству граждан КНДР на территории Советского Союза. По его условиям в Хабаровский край прибыли 4 188 северокорейских рабочих. Их разместили в поселках Комсомольского, Селехинского леспромхозов, в лесных поселках Бален, Дидон, Октябрьский, Сироки, Первомайский, Хартичан, Клюквенный и др.²

В 1961 г. дружественные связи государств нашли закрепление в Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Его действие было рассчитано на 30 лет. В период ухудшения отношений с Китаем советское руководство рассматривало КНДР как единственного союзника на Дальнем Востоке³. И хотя в 60-е годы между странами возникали разногласия в трактовке отдельных стратегических положений, что выяснилось на закрытой встрече Л.И. Брежнева и Ким Ир Сена в 1966 г. во Владивостоке, Советский Союз оказывал КНДР экономическую помощь по всем направлениям. После названной встречи лидеры Советский Союз увеличил поставки в Северную Корею техники, продовольствия. В 1967 г. после десятилетнего опыта привлечения северокорейцев для работы на советском Дальнем Востоке был подписан первый долгосрочный договор о совместных лесоразработках в Хабаровском крае⁴. По нему 15 тыс. работников из КНДР прибыли в основном в Верхнебуреинский район Хабаровского края⁵ и были заняты в лесопромышленных объединениях Хабаровского края и Амурской области.

В Приморском крае также складывались дружественные отношения с северокорейцами. Регулярно проводились месячники солидарности с борьбой корейского народа за объединение страны⁶, передовикам производства выдавались туристские путевки в КНДР, специалисты из Приморья работали на предприятиях провинции Северный Хамген, в портах Раджин и Сонбон, куда постоянно заходили советские суда. Была проложена широкая железнодорожная колея, связавшая Транссибирскую магистраль с этими портами⁷.

В целом по России в 80—90-е годы XX в. легально, по межправительственным соглашениям, одновременно работали несколько десятков тысяч граждан КНДР. На юге Дальнего Востока более всего работников из КНДР принимало объединение «Ургаллес», проводившее лесозаготовки в Верхнебуреинском и некоторых других районах Хабаровского края. В разные годы количество северо-

корейских рабочих только в Хабаровском крае достигало 15—20 тыс. чел.⁸ В конце рассматриваемого периода число лесозаготовителей из КНДР по краю составило около 3,5 тыс. чел.⁹ Задействованы северокорейские лесозаготовители были и в Амурской области. В частности, в 1997 г. на основе межправительственного соглашения в АОТ «Тындалес» работали 2,4 тыс. граждан КНДР¹⁰.

В Приморском крае северокорейская рабочая сила на лесозаготовке не привлекалась, но осуществлялись другие формы международного сотрудничества. Так, в 1987 г. на Артемовской швейной фабрике благодаря кооперации со специалистами КНДР был значительно перевыполнен план по выпуску товаров детского ассортимента. При плане 722 тыс. штук детских платьев было выпущено 751,7 тыс. штук¹¹. Столь же успешным было сотрудничество с северокорейцами в Партизанске в рамках долговременной программы по выпуску товаров народного потребления¹². Так, предполагалось увеличить их производство по городу Партизанску в 3,6 раза к 2000 г.¹³

Северокорейские лесозаготовители размещались в специально отведенных лагерях. В 1988 г. в Верхнебуреинском районе Хабаровского края было начато строительство жилья для северокорейских лесозаготовителей, приезжавших в край семьями¹⁴. Но в целом условия жизни граждан КНДР в рассматриваемый период порой вызывали беспокойство и протест со стороны правозащитников. Так, по мнению международной правозащитной организации «Эмнести Интернэйшнл», в одном из лагерей, располагавшихся к северо-западу от Хабаровска, распорядок соответствовал режиму в местах лишения свободы¹⁵. В нем отсутствовали какие-либо социальные гарантии, предусматривалось наказание за побег. Руководители департамента социальной политики правительства СССР по-разному комментировали публикацию об этом в лондонской «Таймс». По одной версии — внутренний распорядок устанавливался северокорейской стороной, по другой — «корейские организации и граждане пользуются той же защитой, как и организации и граждане России»¹⁶.

По свидетельствам очевидцев, побывавших в экспедиции на трассе БАМА в районе Тынды в 1981 г., в городках, где жили северокорейские рабочие, действительно были строгие порядки. Но внутренний рабочий режим и бытовые условия мало чем отличались от тех, в которых жили и работали лесозаготовители — советские граждане. Столовая, в которой питались граждане КНДР, была типичной для таежного поселка.

Определенное внимание уделялось идеологической работе с северокорейцами. В 1982 г. вышло в свет постановление ЦК КПСС «О мероприятиях по случаю месячника солидарности с борьбой корейского народа (25 июня — 27 июля 1982 г.)». Бюро Хабаровского крайкома КПСС приняло постановление «к неуклонному руководству и исполнению», утвердило план мероприятий¹⁷. Общественные организации, отделения Общества советско-корейской дружбы, редакции газет и информационные агентства также были задействованы в проведении месячника. В его задачи входило усиление информационно-пропагандистской работы на предприятиях, где работали граждане КНДР. В период месячника для северокорейских лесозаготовителей проводились лекции, беседы, политинформации. В Хабаровском краево и Верхнебуреинском районном отделениях советско-корейской дружбы, леспромхозах и учреждениях культуры оформлялись фото- и книжные выставки, посвященные 21-й годовщине подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между КНДР и СССР¹⁸. Мероприятия месячника освещались по телевидению, краевому и местному радио, в газетах «Тихоокеанская звезда», «Молодой дальневосточник», «Трудовое слово»¹⁹.

На корейском языке был подготовлен специальный цикл радиопередач о ходе месячника солидарности для трансляции в поезде «Хабаровск — Чегдомын». В Чегдомыне прошла неделя корейского фильма, в книжных магазинах Хабаровска и Чегдомына — неделя корейской литературы. Для выступления с концертной программой перед корейскими лесозаготовителями в Верхнебуреинский район был направлен агитпоезд Хабаровского отделения общества советско-корейской дружбы. Для северокорейских рабочих проводились также экскурсии, вечера отдыха и товарищеские спортивные встречи²⁰.

В начале и середине 1980-х годов между лесозаготовителями объединения «Ургаллес» и 1-го ЛЗП КНДР в СССР устраивалось социалистическое соревнование²¹. Северокорейские рабочие принимали участие в демонстрациях 1 мая и 7 ноября²².

В 1990-е годы в северокорейской трудовой миграции происходили определенные перемены. Российские работодатели устанавливали гражданам КНДР зарплаты от 20 до 100 долл. США в месяц²³. Нередко северокорейские менеджеры соглашались на низкие расценки в оплате труда только для того, чтобы получить разрешение на въезд работников. В некоторых случаях северокорейцы соглашались работать в России без оплаты. Причитавшиеся деньги они получали в Северной Корее, что было дополнительным стимулом к возвращению²⁴.

Но более ощутимый доход северные корейцы получали на побочных работах. В связи с этим Генеральное консульство КНДР в Находке обязало каждого рабочего в Приморье сдавать по 200 дол. США (на Сахалине — по 300 долл.) в месяц в фонд помощи голодающим соотечественникам. Это позволяло всего по консульскому округу в месяц собирать до 200 тыс. дол. США. По мнению Л.В. Забровской, эти деньги направлялись не только на закупку в Китае продовольствия для голодающих, но и на инвестирование в проекты и предприятия на российском Дальнем Востоке, а также на оплату российского экспорта в КНДР²⁵.

По оценкам самих северокорейских работников, самые высокие заработки среди них были у занятых на лесозаготовках в Хабаровском крае. За 1—2 года напряженной работы в России им удалось скопить на приобретение на родине дома или подержанного японского автомобиля, который там стоил в два раза дешевле, чем в городах Приморья. Но такие перспективы были не у всех рабочих. Среди них намечалось социальное расслоение. В наибольшей выгоде оказывался руководящий состав рабочих бригад. Но их перспективы становились стимулом и для остальных²⁶. В целом на территории КНДР 400 дол. США было достаточно, чтобы северокорейская семья из пяти человек смогла обеспечить свой прожиточный минимум в течение года²⁷.

В 1997—1999 гг. было отмечено увеличение на территории Хабаровского края числа незанятых северокорейских рабочих (около 350 чел.)²⁸. Полностью обеспечить северокорейских гастарбайтеров рабочими местами не удавалось АО «Ургаллес», основному работодателю граждан КНДР, прибывших по межправительственному соглашению от 24 января 1997 г. Они оказались полностью занятыми на «неконтролируемом» или «скрытом» рынке труда, сопряженном с неформальной деятельностью²⁹.

По мнению Л.В. Забровской, во второй половине 90-х годов северокорейские рабочие не так строго ограничивались своими властями в перемещении по России, как это было ранее³⁰. Им разрешалось передвигаться по населенным пунктам России не только группами, но и в одиночку.

В поведении и бытовом обустройстве северокорейских рабочих во второй половине 90-х появилось немало идеологических послаблений. Необязательным стало ношение нагрудного значка с изображением Ким Ир Сена. Если в 70—80-е годы портретами вождя были увешаны не только общая комната отдыха, но и жилые помещения, то в конце 90-х портреты корейских руководителей вывешивались только в общей комнате³¹.

В 1995 г. во время визита в КНДР главы администрации Приморского края было подписано соглашение, по которому в перспективе в Приморье направлялись около 10 тыс. северокорейских работников, в основном в сельское хозяйство³². Тогда в Артеме и Уссурийске были открыты представительства корейского сельскохозяйственного общества. Полностью выполнить эту программу не удалось. По ней в край было привлечено около 500 северокорейских гастарбайтеров. Они работали на строительных объектах компаний «Дальрыбстрой» и «АКФЕС», на сельскохозяйственных предприятиях, в основном в Хасанском районе. Контракты на поставку северокорейской рабочей силы заключались с сельскохозяйственным представительством КНДР в Артеме, Северокорейскими строительными компаниями ЗЕНКО, «Рынадо», «Чхолсан», «Чхинсон», СП «Трансрадо» и фирмой «Роса — окро»³⁵.

Масштабы трудовой миграции из КНДР в Приморский край менялись. Если в 1994 г. в крае насчитывалось 2 872 северокорейских работника, то в 1995 г. — 3 956³³. На такую ситуацию повлияло сокращение трудовой миграции из КНР, нелегальная деятельность многих китайских работников пресекалась в ходе операции «Иностранец». Корейцы тогда начали заполнять те ниши на рынке труда, которые ранее занимали китайцы.

Во второй половине 90-х годов, несмотря на потепление отношений между Россией и КНДР, численность северокорейских работников в Приморье снизилась. В 1997 г. их было 3 119 чел., в 1998 г. — 2 134, в 1999 г. — 2 373 (незначительный рост)³⁴. Но такие количественные изменения не относились к Владивостоку. Здесь северокорейская миграция росла постоянно. Если в 1996 г. северокорейцы составляли около 27% всех иностранных работников, то в 1998 г. — почти 35%. В конце 90-х годов во Владивостоке по численности они шли вровень с китайцами. Сложилось даже своеобразное разделение труда по признакам этничности и гражданства — китайцы оказались занятыми в основном в торговле и бытовом обслуживании, северные корейцы — в строительстве и ремонте зданий и помещений³⁵.

Таким образом, северокорейская трудовая миграция из районов Приморского края постепенно перемещалась во Владивосток. Это заметно также при сопоставлении данных по использованию иностранной рабочей силы во Владивостоке и Находке. В 1998 г. во Владивостоке работали 1 187 северокорейских гастарбайтеров, или 34,8% от общей численности иностранных работников в крае (включая представителей стран нового зарубежья). В Находке, где располагалось генеральное консульство КНДР, в том же году их численность составила 372 чел. или 26,8%. Всего на Владивосток в 1998 г. пришлось 58,2% всех северокорейских рабочих в крае.

В вопросах трудовой миграции прослеживалось взаимодействие между российскими корейцами и приемом на работу граждан КНДР. В 90-е годы число корейцев в Приморье постоянно росло за счет переселенцев из государств Средней Азии и Казахстана. Некоторые корейцы перебирались в край и из других мест, например с Сахалина. В конце 1980-х годов в Приморском крае проживали 8 300 корейцев (0,4% от общей численности населения края), в 1996 г. их стало свыше 18 тыс. (0,8%), в 1997 г. — 26 тыс. (1,2%)³⁶.

Контроль над северокорейским миграционным потоком осуществлялся как российскими органами, так и самой северокорейской стороной. Поэтому уровень нелегальной миграции в северокорейском трудовом потоке был незначителен. Но полностью эта сторона международной миграции не обошла и граждан КНДР. Самым распространенным нарушением здесь была передача работников другим компаниям без оформления необходимых документов с целью сокрытия денежных оборотов во взаиморасчетах. Есть сведения и о том, что с грубыми нарушениями российского законодательства проходила деятельность Корейского сельскохозяйственного общества в Артеме. Только в 1996 г. при его посредстве въехали в Приморье более 250 граждан КНДР, которые не занимались какой-либо деятельностью, а бесконтрольно перемещались по территории края³⁷.

Другим нарушением, распространенным на сельскохозяйственных предприятиях, было разделение корейцами своих коллективов на группы, когда они сменяли друг друга на полях, а также неформально ремонтировали здания и частные квартиры.

В 1996—1997 гг. Федеральная миграционная служба РФ ужесточила правила въезда в Россию граждан КНДР, а также их перемещения по территории страны. Местные органы власти обязали все фирмы, принимавшие на работу граждан КНДР, дать дополнительные гарантии их полной занятости и своевременного выезда после завершения работы³⁸. Во время визита в Пхеньян в январе 1997 г. заместителя министра иностранных дел РФ Г. Карасина было подписано соглашение, по которому все поездки граждан России и КНДР были переведены на визовую основу. Соглашение предусматривало для приезжавших на российскую территорию граждан КНДР прохождение обязательной регистрации в местных органах власти и предоставление текста контракта с российской фирмой.

В 1997 г. органами УВД Приморья за нарушение правил пребывания в России были наказаны 274 гражданина КНДР, 69 из них были выдворены, в том числе 24 — под конвоем. Миграционная служба не разрешила ряду хозяйств Приморья заключать договоры с иностранными рабочими и предложила закрыть северокорейское представительство в Уссурийске. С последним решением не согласилось Управление сельского хозяйства, аргументируя тем, что в этом случае заметно ослабнет контроль северокорейской стороны над своими гражданами, который содействовал регулированию их пребывания российской стороной.

У нелегальной северокорейской миграции открылась своя специфическая сторона. Некоторые граждане КНДР нелегально мигрировали на китайскую

территорию, главным образом в Яньбяньский корейский автономный округ провинции Цзилинь или в приграничные с Приморским краем районы провинции Хэйлунцзян, где также проживало немало этнических корейцев. Официальные органы Республики Корея называли их число от 10 до 30 тыс. Однако власти КНР признавали только 8 тыс. По оценке некоторых негосударственных организаций Республики Корея их значительно больше. Скрываясь от китайских властей, они зачастую нарушали российско-китайскую границу. Таких случаев было немного, но в конце 90-х годов стал заметен их рост. В 1998 г. на границе с КНР их было задержано 8 чел., в 1999 г. — 22 чел.³⁹

Газеты иногда обращали внимание на замкнутость северокорейских рабочих, необычные методы организации их работы и быта, на возможность связей в Приморье разных корейцев — северных, южных, среднеазиатских, сахалинских. Выделялась статья Д. Демкина «Генерала беспокоят корейцы, а губернатора — китайцы»⁴⁰. В ней говорилось, что в 1996 г. начальник УВД Приморского края А. Васильев направил губернатору следующую служебную записку:

«Южнокорейские власти проводят долговременную спланированную политику, направленную на рост численности в Приморском крае корейской этногруппы, с целью последующего создания национальной территориальной автономии корейцев. В дальнейшем предусматривается выдвигание автономией требования о воссоединении в той или иной форме с родиной предков». Далее приводилось утверждение генерала-майора А. Васильева о том, что в настоящее время Приморский край стал «местом борьбы за социально-экономическое и духовное влияние двух враждебных друг другу корейских государств — Республики Корея и КНДР — на лиц корейской национальности». Отмечалось, что «власти КНДР стремятся завезти в край максимально возможное количество рабочих на основе долгосрочных контрактов и создать на юге Приморья корейское сообщество из числа рабочих по примеру уже существующих в Хабаровском крае, где работают лесозаготовители из КНДР»⁴¹.

Статья имела широкий резонанс в политических кругах края. Многие корейцы в Приморском крае усмотрели в публикации угрозу массовых насильственных переселений, подобных действиям властей в 1937 г. Генеральное консульство Республики Корея во Владивостоке прервало контакты с общиной приморских корейцев. А Генеральное консульство КНДР в Находке, напротив, выступило за расширение контактов на частном уровне. С 1997 г. в одной из уссурийских гимназий начал преподавать корейский язык Ким Ин Хо, а его жена Ен Хи, известная северокорейская балерина — руководить танцевальными группами⁴².

Из руководства краевого УВД последовало опровержение, факт подачи А. Васильевым служебной записки отрицался. Вице-губернатор Н. Садомский письменно заверил руководство корейской общины Приморья в том, что администрация края не планирует никаких репрессивных мер в отношении российских корейцев⁴³.

Политический аспект северокорейской миграции в это время оказался осложнен сегментацией корейского миграционного потока в 90-е годы. К международной миграции можно отнести переселение корейцев на юг Дальнего Востока, в основном в Приморье, из стран Центральной Азии; северокорейскую трудовую миграцию; этнических корейцев, прибывавших в основном из Яньбяньского Корейского автономного района провинции Цзилинь; приезд и пребывание граждан Республики Корея, корейцев из других стран.

В этой связи возникал вопрос о возможности создания в Приморье корейской национальной автономии. Руководители Всесоюзной организации советских корейцев выступили с проектами «о добровольном и организованном переселении советских корейцев из Средней Азии и Казахстана в Приморский край» и «о создании корейской экономической зоны» на восточном побережье Приморья⁴⁴. Проекты корейской автономии в любом случае выходили на взаимосвязи КНДР и Республики Корея, на возможное в дальнейшем вхождение в состав автономии объединенной Кореи.

В заключение надо отметить, что пребывание граждан КНДР в России в подавляющем большинстве случаев представляло собой международную трудовую миграцию. Особенно следует выделить деятельность лесозаготовителей в Хабаровском крае и Амурской области, привлечение которых за несколько десятилетий приобрело определенную стабильность.

- ¹ История международных отношений на Дальнем Востоке. 1945—1977. Хабаровск, 1978. С. 101—102.
- ² ГАХК Ф. 1663. Оп. 43. Д. 55. Л. 1.
- ³ Забровская Л.В. Россия и КНДР: опыт прошлого и перспективы будущего (1990-е годы). Владивосток, 1999. С. 43.
- ⁴ Там же. С. 44—45.
- ⁵ Wang Shengjin. Study Report on Northeast Asian Labor Force Resource // Far Eastern Studies. Vol. 1. March 2002. Center for Far Eastern Studies, Toyama University. P. 31.
- ⁶ Там же. С. 45.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Забровская Л.В. Политика КНДР и Республики Корея в отношении российских дальневосточных корейцев в 1990-е годы // Дальний Восток России и Северо-Восточная Азия: Материалы междунар. науч. конф. (10—12 октября 2001 г.). Владивосток, 2001. С. 244.
- ¹⁰ Аналитическая информация о ситуации на рынке труда Амурской области в 1997 г. Благовещенск, 1998. С. 2.
- ¹¹ ГАПК Ф.П. 147. Оп. 1. Д. 28. Л. 6.
- ¹² Там же. 337. Оп. 1. Д. 28. Л. 11—12.
- ¹³ Там же. 1137. Оп. 1. Д. 49. Л. 18.
- ¹⁴ Там же. 512. Оп. 44. Д. 3. Л. 41.
- ¹⁵ Коммерсантъ. 2001. 8 авг. № 140.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ ГАХК Ф.П. 35. Оп. 108. Д. 308. Л. 3.
- ¹⁸ Там же. Л. 23.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. Л. 24.
- ²¹ Там же. Ф.П. 512. Оп. 44. Д. 3. Л. 11.
- ²² Там же. Л. 22.
- ²³ Забровская Л.В. Россия и КНДР... С. 39.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. С. 39—40.
- ²⁶ Там же. С. 38—39.
- ²⁷ Забровская Л.В. Политика КНДР... С. 245.
- ²⁸ Ходаков С.В. Иммиграция и иммиграционная политика в Хабаровском крае // Перспективы Дальневосточного региона: население, миграция, рынки труда / Под. ред. Г. Витковской и Д. Тренина. М., 1999. С. 29.
- ²⁹ Шкуркин А.М. Дальневосточный рынок труда как фактор китайской трудовой миграции // Перспективы Дальневосточного региона: китайский фактор. М., 1999. С. 82.
- ³⁰ Забровская Л.В. Россия и КНДР... С. 37.
- ³¹ Там же. С. 38.
- ³² Там же. С. 29.
- ³³ Труд и занятость в Приморском крае в 1998 г. (Стат сб.). Владивосток, 1999. С. 31.
- ³⁴ Ващук А.С. и др. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002. С. 202.
- ³⁵ По материалам аналитического отчета Территориального органа Минфедерации по Приморскому краю. за 2000 г.
- ³⁶ Забровская Л.В. Россия и КНДР... С. 28.
- ³⁷ Там же. С. 33.
- ³⁸ Забровская Л.В. Политика КНДР... С. 243.
- ³⁹ Ващук А.С. Этномиграционные процессы в Приморье... С. 199.
- ⁴⁰ Коммерсантъ-Daily. 1996. 17 июля.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Забровская Л.В. Россия и КНДР... С. 30.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Ларин В.Л. Россия в Восточной Азии накануне XXI века: этнодемографические и цивилизационные стимулы и барьеры // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII—XX вв. Новосибирск, 1996. С. 30.

Summary: «Citizens of Democratic People's Republic of Korea in the Far East of Russia» is the title of the article by a post-graduate student of the Institute of History German Dudchenko. In the article there is shown the process of creating socialist state in the North of Korea, the agreement between Democratic People's Republic of Korea and the USSR. The author describes how citizens of this country were working in the south of the Far East of Russia according to these agreements.